

Формирование глобального права как мегатенденция современного мирового развития

(Тезисы доклада на теоретико-методологическом семинаре
сектора теории права и государства ИПП РАН 22 июня 2012 г.)

Глобализация в правовой сфере предполагает возникновение новых форм политико-правовой организации, новые источники, механизмы разрешения конфликтов, новые правовые категории и идеи. Концепт глобального права есть основание новой парадигмы познания правовой реальности в третьем тысячелетии.

На сегодняшний день глобальное право пока не представляет собой автономной правовой системы с устойчивым комплексом норм, кругом субъектов, собственной юрисдикцией. Отсутствуют общепризнанные источники в виде глобальной конституции, кодекса, сборника прецедентов и пр. с помощью которых можно было бы однозначно идентифицировать и четко отграничивать глобальные нормы от прочих, нет глобального суда или каких-то иных органов, обладающих полномочиями по принуждению к соблюдению глобальных норм.

В то же время оно не есть просто теоретическая конструкция или желанный идеал. Глобальное право содержит ряд конкретных элементов, позволяющие подтвердить его реальность в качестве формирующегося правопорядка, тенденции и даже мегатенденции.

Глобализации в праве представляется «вторичной» в том смысле, что право как регулятивная система, направлено на регламентацию, во-первых, тех отношений и сфер, которые вышли на глобальный уровень и достигли глобальных масштабов, т.е. затрагивают все человечество как целостность, и в этой связи делается акцент на универсализации, унификации, вертикализации в глобальных процессах.

* Доцент академического департамента права Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс), к.ю.н.

С другой стороны, в глобализации есть и иная, можно сказать, обратная направленность, а именно усиление взаимосвязи разнородного. Поэтому реальность глобализации, не столько «новый порядок», а скорее даже новый «мировой беспорядок», производимый несогласованной динамикой и подчас конфликтным взаимодействием множества разнородных политических и экономических акторов.

Представляется, что становление глобального права осуществляется в связи с указанными разнонаправленными тенденциями. Важно уточнить уровни, сферы отношений уже имеющейся правовой регуляции.

В первом случае формирование глобального права происходит прежде всего, исходя из прав, интересов, потребностей в безопасности и благоприятной природной среде, артикулирования ценности человеческой жизни, которые являются близкими для всех народов и цивилизаций.

От степени эффективности решения глобальных проблем (экологической и пр.) зависит выживание человечества. На сегодняшний день сложились отрасли международного права, основу которых составляют многосторонние международные конвенции, предметом регулирования которых являются охрана окружающей среды, противодействие международной преступности, защита прав человека. И именно универсализация в рамках данных отраслей уже приводит по сути к генезису наднациональных, глобальных по характеру принципов и норм.

Субъектами права и его творцами здесь выступают уже не только национальные государства, международные организации, но и НПО. В качестве примера можно привести Хартию Земли, которая содержит в себе системный взгляд на безопасность, мир, социальную и экологическую справедливость, права человека. Вместо антропоцентризма в качестве базового принципа рассматривается биоцентризм, осознание себя человечеством частью целостности, которое составляет все живое, природа.

Ученые, авторы Манифеста Лиссабонской группы, также предлагают заключить четыре глобальных социальных договора:

- Договор о насущных потребностях человека, призванный устранить несправедливость в распределении жизненно-необходимых благ на земле;
- Договор о культуре, который позволил бы сохранить разнообразие национальных культур, защитив их от натиска коммерциализированной антикультуры;
- Договор о демократии как необходимом условии развития;
- Договор «Земли», который должен предотвратить экологическую катастрофу и обеспечить гармонию взаимодействия человечества и природной среды.

Сама концепция прав человека и понимание свободы, от исключительно западного, либерального и индивидуалистического, очевидно, трансформируется в направлении глобальном и экологическом (от свободы *homo oeconomicus occidentalis*, к свободе *homo ecologicus universalis*).

С другой стороны, в этой области имеет место множество спекуляций и злоупотреблений, действий и деятельности антиправового характера, что сами права человека зачастую предстают в просто в качестве агрессивной и радикальной идеологемы отдельных НПО и международной бюрократии, а право прав человека, переходя на глобальный уровень предстает в качестве «имперского права».

Таким образом, следует констатировать, что зарождающиеся формы правового регулирования скорее всего будут эволюционировать в направлении уточнения и развертывания глобальных принципов. Очевидно, что для действенности глобального права желательна некая квинтэссенция в нем «глобальных ценностей», которая была бы результирующей диалога и согласия различных государств, народов и цивилизаций.

Ведущей сферой глобализации стала экономика, это положение, пожалуй, никем не становится под сомнение. Именно мировую экономику можно именовать глобальной, в ее функционировании наиболее выразительно присутствует вышеупомянутая тенденция к фрагментации и взаимозависимости.

Поэтому вторая важнейшая сфера глобальной правовой регуляции связана с тем, что принято именовать неолиберальной глобализацией, т.е. глобализацией мировой экономики. Некоторые авторы склонны рассматривать по преимуществу именно международное торговое право (в т.ч. *lex mercatoria*) и шире международное экономическое право в качестве новоявленного глобального права. Сюда же включаются нормы, возникающие непосредственно из договорных отношений национальных государств и транснациональных предприятий, банков, которые именуется правом транснациональным. Можно согласиться подобной точкой зрения, поскольку по сути ТНК создали глобальную экономику, а значит, являются субъектами и творцами глобального права.

Таким образом, возникновение глобального права «обязано», с одной стороны глобальным проблемам человечества, само наличие которых способствуют объединению усилий в плане если их не полного устранения, то, по крайней мере, минимизации последствий. С другой стороны, это неолиберальная глобализация. Поскольку все вышеуказанные сферы нуждается в правовом регулировании, право должно становиться глобальным.

Глобальное право на сегодняшний день – это прежде всего ряд принципов, которые являются безусловно отличными от принципов «классического» международного права (суверенитет, территориальность, дипломатия и пр.). В античности *ius gentium* обслуживало гегемонию Рима, современное международное право возникло как право «цивилизованных народов», т.е. по сути Европы, разделенной на национальные государства, а новое глобальное право, которое должно базироваться на личностном принципе и служить на благо как отдельного человека, так и человечества как общности.

В глобальных правоотношениях и правотворчестве процессе задействованы как государства и международные организации, так и акторы

глобального гражданского общества (НПО, профессиональные ассоциации), транснациональные компании и даже отдельные граждане.

В контексте глобализации и становления глобального права следует упомянуть концепты и связанные с ним теории, в рамках которых проанализированы, описаны, а в отдельных случаях даже сконструированы новые формы политико-правовой организации. Выразительными примерами здесь могут служить понятия и теории «Империи» и глобального конституционализма. Данные теории, несмотря на разность изначальных методологических установок и идеологических позиций авторов, отражают отдельные аспекты функционирования и взаимодействия права и власти, которые приобретают характеристики глобальности (глобальное измерение), обладая при этом значительным критическим и эвристическим потенциалом.

Некоторые зарубежные авторы для обозначения складывающихся глобальных форм власти и, соответственно, глобального права используют сходные концепты «империи» и «имперского права», которые впервые появились в известной работе М. Харта и А. Негри «Империя». Разумеется, что в понятие империи в данном случае вкладывается принципиально иной смысл, чем обычно. Имеется в виду некая единая структура управления миром как целостностью, которая включает в себя соответствующие подструктуры, действующие на национальном, региональном и глобальном уровнях («Империя... это децентрированный и децентрализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории (курсив – М.Х., А.Н.) аппарат управления... Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменах посредством модулирования командных сетей»¹). Ей соответствует формирующийся глобальный (имперский) правопорядок. Ядром «имперского права», в частности, называют право (правовую систему) США, которое «трансформировалось под влиянием идеологии неолиберализма и

¹ См.: Харт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. Г. В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – С. 12.

распространилось на огромную периферию, оставшуюся открытой после окончания Холодной войны»². Ни в коем случае не разделяя коммунистических убеждений авторов «Империи» и их последователей, следует согласиться с одним из основных тезисов работы относительно формирования глобальной политико-правовой системы. Достоинства данной работы состоят в довольно точном фиксировании status quo относительно существующей системы глобального управления.

Авторы теории глобального конституционализма (Р. Фольк, А. Петерс и др.) выступают приверженцами построения более справедливой и формально-институализированной global governance в свою очередь, делая акцент на необходимости демократических механизмов. Так, модель «космополитической демократии» предполагает распространение демократии на новых глобальных уровнях власти, через расширение роли глобального гражданского общества, а также реформы существующих международных организаций и права.

Подобного рода проекты «позитивной глобализации» достаточно детально проработаны. Авторы, безусловно, ориентировались на опыт ЕС, политически и правовые институты которого, несмотря на имеющиеся отдельные проблемные моменты, оказались функциональными и эффективными. Однако возможность распространения удачной модели с уровня «global regional» на уровень «global world» пока остается проблематичной.

² Mattei U. A theory of imperial law: a study on U.S. hegemony and the Latin resistance // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2003. – Vol. 10, № 5. – P. 383.